

Ю. И. Семенов

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ МАТЕРИНСКОГО РОДА К ОТЦОВСКОМУ

(ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Для Ф. Энгельса вопрос об историческом соотношении матрилинейности и патрилинейности вообще, а в первую очередь материнского и отцовского рода, всегда был одной из важнейших проблем первобытности. Хорошо известна та высокая оценка, которая была дана им труду И. Я. Бахофена «Материнское право». Только с появлением этой работы, по его мнению, началось подлинное изучение истории семьи¹. Великую заслугу Л. Г. Моргана Ф. Энгельс видел в том, что тот в роде, организованном согласно материнскому праву, открыл первичную форму, из которой развился более поздний род, организованный сообразно отцовскому праву. «Это вновь сделанное открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов,— писал он,— имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии. Оно дало Моргану возможность впервые сделать набросок истории семьи, в котором, поскольку позволял известный до сих пор материал, были в общих чертах предварительно установлены по крайней мере классические ступени развития. Всякому ясно, что тем самым открывается новая эпоха в разработке первобытной истории. Род, основанный на материнском праве, стал тем стержнем, вокруг которого вращается вся эта наука...»².

В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была нарисована убедительная, основанная на фактах картина превращения материнского рода в отцовский под влиянием накопления богатств и перехода их в частное владение отдельных семей. За годы, прошедшие со времени выхода в свет классического труда Ф. Энгельса, этнографической наукой был накоплен огромный фактический материал, который заставляет заново вернуться к, казалось бы, окончательно решенному вопросу. С одной стороны, стали известны народы, у которых уже существовали классы и государство, но сохранялся материнский род (ашанти, наяры, минангкабау). С другой стороны, у значительной части аборигенов Австралии, несмотря на отсутствие частной собственности, был обнаружен отцовский род.

Все эти факты были использованы для обоснования взгляда на материнский и отцовский роды как на явления во всех отношениях совершенно равноценные, существующие параллельно, которые могут прямо или

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 215.

² Там же, стр. 223.

через промежуточные формы переходить друг в друга³. Тезис о принципиальной равноценности материнского и отцовского родов отстаивается в настоящее время и некоторыми советскими этнографами⁴.

Ссылка на народы, у которых материнская филиация продолжала существовать в условиях раннеклассового общества, сама по себе не может быть аргументом против признания материнского рода исторически первоначальным. Иное дело явление, которое М. О. Косвен назвал «австралийской контроверзой». Чтобы быть убедительным, обоснование положения о приоритете материнской филиации над отцовской должно включать в себя доказательство того, что отцовский род австралийцев был не первоначальным, а пришел на смену материнскому. Это, в свою очередь, предполагает раскрытие причин, вызвавших подобную трансформацию.

Некоторые советские этнографы, в частности А. М. Золотарев и С. П. Толстов, высказали предположение, что переход от материнского счета родства к отцовскому произошел у австралийцев под влиянием вторжения колонизаторов. Но сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу такой точки зрения ими приведено не было. И главное, имеются серьезные основания полагать, что отцовская филиация существовала в Австралии до колонизации.

«Австралийская контроверза» все еще ждет своего решения. Не получили объяснения также и случаи сохранения материнского рода в условиях классового общества. На наш взгляд, найти ответ на все эти вопросы можно только в том случае, если рассматривать их не изолированно, а как часть общей проблемы развития материнского рода.

Для этого необходимо прежде всего обратиться к самой начальной стадии эволюции родового общества.

Многие советские этнографы придерживаются взгляда, что эта ступень характеризовалась повсеместным существованием дуально-родовых организаций — систем, состоящих из двух взаимобрачающихся материнских родов. В нескольких работах нами была предпринята попытка более или менее детально реконструировать, базируясь на этнографических материалах, структуру первоначальной дуально-родовой организации⁵. Не имея возможности привести использованные нами данные, мы ограничимся здесь лишь изложением основных выводов.

Прежде всего многочисленные факты свидетельствуют, что каждый из входивших в дуальную организацию родов (*А* и *Б*) делился на две несколько обособленные одна от другой группы: первую, состоявшую из мужчин, мы будем называть мужской группой (*М*) и вторую, состоявшую из женщин и детей обоего пола, мы будем именовать женской группой (*Ж*). Женщины всю жизнь оставались в одной и той же группе. Мальчики по достижении определенного возраста покидали женскую группу (матерей и сестер) и переходили в мужскую группу своего рода (братьев матерей и братьев). Этот переход отмечался инициациями.

Таким образом, дуально-родовая организация включала в свой состав четыре группы: две мужские (*Ам* и *Бм*) и две женские (*Аж* и *Бж*). Между группами *Ам* и *Аж* существовала теснейшая производственная связь, они вместе образовывали один экзогамный хозяйственный коллектив, один род — *А*. Точно такая же связь существовала между груп-

³ См., например: G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1965, pp. 46, 183—190.

⁴ См., например: Н. А. Бутин, *Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты)*, в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 114—117, 122—123; В. Р. Кабо, *Первобытная община охотников и собирателей*, Там же, стр. 258—259.

⁵ См. Ю. И. Семенов, *Групповой брак, его природа и место в эволюции семейно-брачных отношений*, М., 1964, его же, *Как возникло человечество*, М., 1966; его же, *Проблема начального этапа родового общества*, в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968.

пами *Бм* и *Бж*. Они тоже образовывали один экзогамный хозяйственный коллектив, один род — *Б*. Между группами *Ам* и *Бж* тоже существовала связь, но не хозяйственная, производственная, а детопроизводственная. Вместе они составляли одну брачную организацию. Другую брачную организацию составляли группы *Бм* и *Аж*.

Каждый хозяйственный коллектив состоял из групп, входивших в состав разных брачных организаций, а каждая брачная организация состояла из групп, входивших в состав разных хозяйственных коллективов. Если первоначальный подлинно человеческий хозяйственный коллектив был экзогамным, т. е. таким, внутри которого невозможны были половые отношения, то первоначальный брак был не только групповым, но и дисэкономическим, т. е. исключавшим экономические отношения между людьми, вступавшими в половые отношения. Входя в состав разных производственных коллективов, люди, имевшие право вступать в половое общение, должны были и жить раздельно. Первоначальный групповой брак, будучи дисэкономическим, был неизбежно и дислокальным.

В таких условиях все связи между отдельными индивидами противоположного пола, принадлежавшими к разным родовым коллективам, должны были сводиться лишь к половым отношениям. А это значит, что они не были браком. Дело в том, что брачные отношения, включая в себя половые, никогда к ним не сводятся. Брак есть социальная организация половых отношений. Брачные отношения необходимо предполагают наличие определенных прав и обязанностей между связанными ими сторонами. Такие права и обязанности существовали между мужскими и женскими группами разных родов. Каждый из коллективов, входивших в дуальную организацию, строжайше воспрещая половые отношения внутри себя, тем самым предписывал членам своей мужской группы искать партнеров в женской группе другого рода и соответственно членам своей женской группы — в его мужской группе. Отношения мужских и женских групп разных родов были браком, причем только они и были браком. Других брачных отношений в ту эпоху не существовало. Вступление в половые отношения индивидов, принадлежавших к мужской и женской группам разных родов, не давало им никаких прав друг на друга и не накладывало на них никаких обязанностей по отношению друг к другу. Они были не мужем и женой, а лишь половыми партнерами. Групповой брак означает отсутствие индивидуальных брачных отношений.

Изменения в описанной выше структуре связаны с эволюцией отношений по распределению общественного продукта, прежде всего пищи. Нарисовать детальную картину развития распределительных отношений доклассового общества — задача сложная, но общее направление, общая тенденция этого процесса является более или менее ясной.

Первоначальные отношения распределения в человеческом обществе принято называть уравнительными. Это, однако, не означает, что все члены коллектива получали абсолютно равные доли произведенного продукта. Уравнительность здесь заключалась в том, что при распределении общественного продукта не принимался во внимание, не учитывался вклад человека в его производство. При распределении учитывались лишь нужды, потребности членов коллектива. Тот, кто больше нуждался, соответственно получал и большую долю продукта; тот, кто нуждался меньше, получал меньшую. Такой принцип распределения может успешно действовать лишь в условиях, когда объем произведенного коллективом продукта не превышает уровня, минимально необходимого для поддержания физического существования всех его членов.

Когда объем произведенного обществом продукта превышает уровень выживания, постепенно возникает объективная необходимость и в иных, кроме угрозы голодной смерти, стимулах к труду, появляется объективная потребность в новом принципе распределения. Если раньше при

распределении учитывались лишь нужды члена коллектива, то теперь начинает постепенно во все большем масштабе приниматься во внимание и его вклад в создание общественного продукта. Можно полагать, что вначале учитывался лишь сам факт наличия вклада, затем степень его соответствия возможностям человека и, наконец, все больше учитывались и размеры вклада.

Вполне понятно, что в доклассовом обществе единственно возможным вкладом человека в создание общественного продукта был его труд. Зародившись, принцип распределения по труду еще долгое время не мог вытеснить уравнительный принцип, но его влияние на все общественные отношения становилось все более заметным. Различие между уравнительным и трудовым принципами распределения заключается не просто в том, что в первом случае не учитывается вклад человека в создание продукта, а во втором учитывается. Важно обратить внимание на то, что если при уравнительном принципе общественный продукт распределяется между всеми в нем нуждающимися, т. е. всеми членами коллектива, то при трудовом — лишь между теми его членами, которые сами участвовали в создании продукта. Распределение по труду всегда есть распределение созданного обществом продукта между его производителями. Что же касается остальных членов коллектива, то они получают свою долю общественного продукта не прямо от общества, а от производителей. Чтобы жить, нетрудоспособный член коллектива обязательно должен быть связан по крайней мере с одним из работников, который будет уделять ему часть полученной им от общества доли продукта.

В обществе, в котором действует трудовой принцип, неизбежно должны существовать по меньшей мере два различных уровня распределения: 1) распределение общественного продукта между работниками и 2) распределение полученной работником доли между ним самим и определенным числом лиц, не участвующих в производстве. Иначе говоря, в таком обществе неизбежно должны существовать группы, состоящие из работников (кормильцев) и лиц, находящихся на их содержании (кормленников).

В эпоху доклассового общества продолжительность жизни людей была невелика. Поэтому основную массу кормленников составляли дети. Первым и естественным их кормильцем была мать. Всякая потребительская кормленческая группа прежде всего должна была включать в свой состав мать и детей. Но общество не смогло бы нормально функционировать, если бы с возникновением трудового принципа распределения все содержание детей легло бы только на половину трудоспособных его членов. Объективной необходимостью было участие в потребительской группе взрослого трудоспособного мужчины. Важнейшим механизмом, который обеспечивал реализацию этой необходимости, было разделение труда между полами, столь характерное для доклассового общества.

Если смотреть с современной точки зрения, то кажется совершенно естественным, что кормильцем детей не мог быть никакой другой мужчина, кроме отца. С точки зрения людей раннеродового общества дело обстояло иначе. Прежде всего при групповом браке отцовство не всегда могло быть точно установлено. Поэтому следует говорить не об отце, а об одном из половых партнеров женщины. Но главное заключается в том, что присоединение к материнско-детской группе одного из половых партнеров женщины означало бы возникновение отношений совершенно нового типа — экономической связи между членами разных хозяйственных коллективов, разных родов. Значительно более естественным было присоединение к ней мужчины, который ранее в качестве кормленника входил в одну потребительскую группу с женщиной, т. е. ее брата. В этом случае экономические отношения не выходили за пределы рода, оставались связями между сородичами.

И становление потребительской ячейки, вероятно, пошло прежде всего по этому пути. Она формировалась как группа, состоящая из брата, сестры и ее детей⁶. Но наряду с этим шел и другой процесс — завязывания экономических связей между материнско-детской группой, с одной стороны, и одним из половых партнеров женщины — с другой. В результате начали постепенно вырисовываться контуры потребительской ячейки другого рода — парной семьи.

Доказывать существование парной семьи нет нужды. На данных же, говорящих о существовании в прошлом человечества в качестве определенной социальной единицы группы из брата, сестры и ее детей, необходимо хотя бы коротко задержаться. Прежде всего следует указать на комплекс явлений, известных под названием авункулата⁷. И речь идет не просто о пережитках бытования в далеком прошлом группы, состоящей из брата, сестры и ее детей. У многих этнических общностей эта группа продолжала существовать наряду с парной семьей вплоть до наших дней. В качестве примера можно указать на меланезийцев о-ва Добу.

Группа, состоящая из брата, сестры и ее детей, была у добуанцев совершенно отчетливой особой социальной единицей, имевшей специальное название — сусу (*susu*). Интересно отметить, что для обозначения парной семьи никакого термина у них не существовало. Между двумя названными группами существовало соперничество. Каждый взрослый мужчина был одновременно и членом сусу, и членом семьи и должен был служить и той и другой группе. Естественно, что выигрыш одной группы всегда был проигрышем для другой. Земля в самой деревне, пальмы, сети для рыбной ловли, каменные тесла, ценные украшения, движимое личное имущество — все это передавалось по наследству лишь внутри сусу: от матери к детям, от дяди по матери племянникам. Что касается огородной земли вне деревни, то часть ее переходила сыновьям мужчины. Но дети умершего, во-первых, были обязаны урожаем, выращенный на поле отца в год его смерти, передать племянникам, во-вторых, были полностью лишены права использовать в пищу фрукты и другие растения, выросшие на земле, полученной от отца. Все это свидетельствует о том, что раньше вся огородная земля переходила племянникам, что передача части ее сыновьям — недавнее явление. Но в целом, несмотря на наметившиеся сдвиги, сусу у добуанцев явно доминировала над семьей. Таков был вывод, к которому пришел Р. Форчун⁸.

Соперничество сусу и семьи, по-видимому, было в определенный период явлением универсальным. Оно не затрагивало отношений между матерью и детьми. Существо вопроса заключалось в том, с какой группой должен был быть мужчина теснее связан экономически: с той, что состояла из сестры и ее детей, или с той, что состояла из жены и детей; кого он должен был прежде всего содержать: детей сестры или своих детей. С самого начала возможны были три варианта развития: первый — с преобладанием связей сусу над семейными, второй — с равновесием тех и других, третий — с доминированием семейных отношений над отношениями сусу.

Чтобы понять, с чем именно связана реализация той или иной возможности из трех выше названных, необходимо обратиться к конкретной истории доклассового общества.

Род, по мнению большинства советских исследователей, возник на грани раннего и позднего палеолита. Ему предшествовало первобыт-

⁶ Состав этой группы мог быть значительно более сложным. В нее могли входить несколько сестер (как с детьми, так и без детей), а также и несколько братьев. Но мы намеренно берем предельный случай, ибо он дает возможность лучше понять основную тенденцию развития.

⁷ Сводку материала см.: М. О. Косвен, Авункулат, «Сов. этнография», 1948, № 1.

⁸ R. F. Fortune, *Sorcerers of Dobu*, London, 1932, pp. 3—19.

ное стадо неандертальцев, в котором господствовал промискуитет. Археологические материалы свидетельствуют, что уже в позднем мустье появляются зачатки оседлости⁹. В начальную эпоху позднего палеолита несомненно существовали прочные постоянные жилища, нередко образующие целые поселки, в которых люди жили годами¹⁰. В более позднее время (мадленская эпоха) наряду с человеческими коллективами, продолжавшими жить оседло, появляются группы, ведущие бродячий образ жизни¹¹. Мезолит в целом, как известно, характеризуется господством бродячего образа жизни, что не исключает полностью возможности существования отдельных оседлых групп. С зарождением в неолите земледелия постепенно все большая часть человечества переходит к прочной оседлости. Но наряду с земледельческими народами всегда существовали и такие, которые продолжали жить охотой и собирательством. И образ жизни большинства их был очень далек от оседлого. Как известно, аборигены Австралии и бушмены еще в XIX и XX вв постоянно бродили в поисках пищи. Формой их поселений были временные лагеря.

Таким образом, на протяжении значительной части истории доклассового общества сосуществовали оседлые и бродячие человеческие коллективы. И, на наш взгляд, именно от того, каким был образ жизни в период зарождения трудового принципа распределения, зависел исход первоначального соперничества между сусу и семьей. В условиях оседлости брали верх отношения сусу, в условиях бродячего существования возрастала роль семейных связей.

Наличие связей по детопроизводству между мужскими и женскими группами, входившими в состав разных хозяйственных коллективов — материнских родов, с неизбежностью порождало тенденцию к их пространственному сближению. При оседлости это могло быть достигнуто путем поселения двух родов в непосредственном соседстве. В этих условиях пространственное сближение мужской и женской групп, принадлежавших к разным коллективам, не влекло за собой с неизбежностью пространственного обособления мужской и женской групп, входивших в состав одного рода. Не получало дальнейшего развития и наметившееся было их хозяйственное и бытовое обособление. Все это благоприятствовало становлению сусу и мешало оформлению парной семьи. В свою очередь, упрочение экономических связей между мужчиной, с одной стороны, сестрой и ее детьми — с другой, способствовало преодолению обособления мужской и женской групп. В результате мужская и женская группы как особые социальные образования исчезли, что сделало материнский род монолитным организмом.

Парный брак в таких условиях формировался крайне медленно и длительное время оставался дислокальным. Мужчина продолжал жить и трудиться в своем коллективе и лишь встречался с женой или навещал ее. Даже у наяров Кералы, где хозяйственной ячейкой был уже не род, а группа, состоявшая из нескольких родственных сусу, мужчина лишь время от времени ночевал у жены. Все основное свое время и труд он отдавал домохозяйству матери и сестер. По существу парной семьи у наяров не существовало. Мужчина не жил с женой и детьми, не работал с ними и на них, не питался с ними, ничем не оделял своих детей. Естественно, что он не имел на детей никаких законных прав¹².

⁹ См. П. П. Ефименко, *Первобытное общество*, Киев, 1953., стр. 353—355; П. И. Борисковский, *Древнейшее прошлое человечества*, М.—Л., 1957, стр. 145.

¹⁰ См. П. П. Ефименко, *Указ. раб.*, стр. 353—372; П. И. Борисковский, *Указ. раб.*, стр. 167—176; Г. П. Григорьев, *Начало верхнего палеолита и возникновение Homo sapiens*, Л., 1968, стр. 154—155.

¹¹ П. П. Ефименко, *Указ. раб.*, стр. 509, 518.

¹² См. G. A. de Moubray, *Matriarchy in Malay peninsula and neighbouring countries*, London, 1931, pp. 109, 113; «*Matrilineal kinship*», Ed. by D. M. Schneider and K. Gough, Berkeley and Los Angeles, 1961, pp. 357—360.

Такое положение вещей не было общим правилом. У других этнических групп, в частности у ирокезов, дислокальный брак сменился в конце концов матрилокальным.

Именно с описанным выше вариантом развития связан матриархат в точном смысле слова, т. е. общественный порядок, характеризующийся главенством женщин. Матриархальный род оказался настолько прочным, что в ряде случаев продолжал существовать, хотя уже и не в качестве хозяйственного коллектива, и после возникновения классов и государства. Кроме наядов примером могут послужить также ашанти. Важно отметить, что у последних группа, состоявшая из брата, сестры и ее детей (сусу), играла в целом ряде отношений роль более важную, чем семья. Если отец не имел законной власти над детьми, то права брата матери были огромны: его слово было решающим при вступлении племянников и племянниц в брак, он мог даже отдавать их в качестве заложников в обеспечение своего долга¹³.

И здесь развитие в конечном счете вело к замене материнского счета родства отцовским, к исчезновению материнского рода. Но отцовский род возникал не всегда.

Если первый вариант эволюции связан с оседлым образом жизни, то второй и третий — с бродячим существованием. Для нас особенно важен третий вариант, ибо именно в нем заключена разгадка раннего появления отцовского рода у австралийцев.

До определенного этапа второй и третий варианты ничем не отличались. В условиях бродячего существования неизбежным должен был стать временный отрыв мужской и женской групп одного рода друг от друга и столь же временное соединение мужской и женской групп, принадлежавших к разным родам. Это на первых порах в значительной степени способствовало хозяйственному и бытовому обособлению мужской и женской групп одного рода, вообще развитию их относительной самостоятельности. О существовавшей в прошлом определенной, в том числе и территориальной, обособленности мужских и женских групп говорят многочисленные данные этнографии, а также имевшие широчайшее распространение легенды об амазонках¹⁴. Если ограничиться только Австралией, то, например, в мифах аранда (арунта) повествуется о существовании в эпоху альчера самостоятельных мужских и женских групп, которые обитали по соседству друг с другом и члены которых вступали в половые отношения¹⁵. У тех же арунта во время определенных церемоний и реально возникали обособленные мужские и женские лагерь¹⁶.

С зарождением трудового принципа распределения и выделением потребительских групп половые связи между членами мужских и женских групп, принадлежавших к разным родам, начали постепенно дополняться экономическими, что вело к тому, что эти группы стали все чаще бродить вместе и в конце концов образовали одну локальную группу, которую мы будем называть просто локалем. Это, в свою очередь, способствовало укреплению экономических связей между их членами и соответственно ослаблению таких отношений между представителями мужской и женской групп одного и того же рода.

Таким образом, структура дуально-родовой организации претерпела изменения. Две брачные организации стали одновременно и двумя локальными группами (локалями). Локаль 1 состоял из групп *Ам* и *Бж*, локаль 2 — из групп *Бм* и *Аж*. Так как женщины по-прежнему от рож-

¹³ «Matrilineal kinship», pp. 291—292.

¹⁴ Сводку материалов см.: Ю. И. Семенов, Проблема начального этапа родового общества, стр. 203—221.

¹⁵ T. G. H. Strehlow, *Aranda traditions*, Melbourne, 1947, p. 92.

¹⁶ B. Spencer and F. J. Gillen, *The native tribes of Central Australia*, London, 1899, pp. 214—216, 348, 352 и др.

дения до смерти оставались членами одной группы, то они тем самым всю жизнь принадлежали к одному локалю. Мальчики по-прежнему по достижении определенного возраста покидали женскую группу (матерей и сестер) и переходили в мужскую группу своего рода (братьев матерей и братьев). Но так как теперь мужская и женская группы одного рода входили в состав разных локалей, то тем самым мальчики покидали свой родной локаль и переходили в другой.

До этого момента второй и третий варианты развития не отличались один от другого. Но далее наступило их разделение. В тех этнических группах, в которых по достижению данного этапа развития произошел переход к оседлости, процесс укрепления семейных отношений за счет ослабления отношений сусу прекратился. Возник своеобразный компромисс между теми и другими. Он состоял не просто в том, что одна часть доли общественного продукта, получаемого мужчиной, шла жене и детям, а другая — сестре и племянникам. Произошло своеобразное взаимопроникновение семьи и сусу.

По достижении определенного возраста сыновья мужчины уходили из семьи, а взамен их приходили племянники. В результате семья мужчины превращалась в такую группу, в которой его семейные отношения переплетались с его же отношениями сусу. Семейными были связи между мужчиной, с одной стороны, женой и дочерьми — с другой; сусейными — между ним и его племянниками. Если мужчина содержал членов не только своего рода (племянников), но и чужого (своих детей), то наследование шло исключительно лишь в рамках рода. Все его имущество переходило к племянникам, сыновья не получали ничего.

Такое положение сохранялось до тех пор, пока не началось накопление богатств в руках отдельных членов общества. С возникновением тенденции к превращению потребительской группы в ячейку хозяйствования и накопления усилилось на новой основе соперничество семьи и сусу. Главный вопрос состоял теперь не в том, кого мужчина должен в первую очередь содержать — детей сестры или своих детей, а в том, кому он должен передавать накопленные богатства — племянникам или сыновьям. Семья была группой более приспособленной к превращению в ячейку обособленной собственности, ибо в отличие от сусу она не была и не могла быть частью рода. Семейные связи всегда были связями внеродовыми. Находясь вне рода, семья в известной степени всегда противостояла ему. В силу этого в завязавшейся борьбе семья, как правило, в конце концов брала верх. И победа семьи над сусу, переход от наследования внутри сусу к наследованию внутри семьи чаще всего имела своим следствием смену материнского рода отцовским. Именно этот вариант развития получил свое глубокое освещение в труде Ф. Энгельса.

В качестве примера общества, развивавшегося по данному пути, но еще не успевшего перейти к отцовскому роду, можно привести тробрианцев. У них существовала парная семья, но мужчина был обязан значительную часть урожая со своих огородов отдавать мужу сестры. Становясь взрослыми, племянники переходили в деревню дяди, где и обзаводились собственной семьей. После смерти дяди они наследовали все его основное имущество, в первую очередь землю. У тробрианцев мы наблюдаем также стремление богатых и влиятельных людей, прежде всего вождей, обеспечить переход хотя бы части имущества не к племяннику, а к сыну¹⁷.

Другим примером могут послужить тлинкиты. У них мальчики еще в детстве переселялись к дяде, брату матери, который становился их

¹⁷ См.: B. Malinowski, *Argonauts of Western Pacific*. London, 1922, pp. 61, 148, 181; его же, *The sexual life of savages in North-Western Melanesia*. London, 1948, pp. 70—120; его же, *Coral gardens and their magic*, vol. 1, London, 1935, pp. 196—210, 352—358; H. A. Powell, *Territory, hierarchy and kinship in Kirivina*, «Man», vol. 4, № 4, 1969.

единственным опекуном и воспитателем. Став взрослым, они наследовали имущество дяди и прежде всего его земельные угодья. И у тлинкитов наблюдались попытки обойти старый принцип наследования и передать часть имущества сыну. Сходные порядки существовали у хайда, а в прошлом, как это убедительно было доказано Ю. П. Аверкиевой, также у цимшиан и квакиютлей¹⁸.

Третий путь развития был характерен для тех этносов, у которых и после выделения двух локалей продолжал сохраняться бродячий образ жизни. Это, с одной стороны, способствовало дальнейшему укреплению семейных отношений, а с другой — вело ко все большему ослаблению отношений сусу и в конце концов почти к полному их исчезновению. Результатом было возникновение тенденции к замене перехода мальчика в группу дяди по матери переходом в мужскую группу отца, т. е. к оставлению его в родном локале. Эта тенденция пробивала себе дорогу постепенно. Если раньше мальчики из женской группы непосредственно переходили в мужскую группу дядей, то теперь они начали переходить первоначально в мужскую группу отцов и лишь затем уже из нее в группу дядей. Дальнейшее развитие состояло в постепенном увеличении периода пребывания в мужской группе отцов, которое продолжалось до тех пор, пока этот период не стал совпадать с жизнью человека.

Есть факты, говорящие, что события развивались именно таким образом. Оформлением перехода из женской группы в мужскую были инициации. У большинства этнических групп они обычно совершаются один раз в жизни человека и охватывают сравнительно непродолжительный период времени. Исключение составляют австралийцы, у которых инициации затягиваются на долгие годы, включая в себя несколько отношений самостоятельных ступеней посвящения¹⁹. Это затягивание инициаций было, на наш взгляд, средством отсрочить переход мальчиков в мужскую группу дядей.

Замена перехода мальчика в группу дядей переходом его в группу отца привела к существенным изменениям в структуре дуально-родовой организации. Напомним, что она перед этим состояла из локаля 1, включавшего группы *Ам* и *Бж*, и локаля 2, включавшего группы *Бм* и *Аж*. Переход мальчиков из группы *Бж* не в группу *Бм*, как раньше, а в мужскую группу своего локаля (1) существенно преобразовал последнюю. Если раньше она состояла из мужчин, принадлежавших исключительно к одному роду (*А*), то теперь она стала включать в свой состав мужчин и из другого материнского рода (*Б*). Иначе говоря, она стала состоять из двух подгрупп: подгруппы *1Ам* и *1Бм*. Одну подгруппу составляли отцы, другую — сыновья. Соответственно и мужская группа локаля 2 начала включать в свой состав две подгруппы: *2Бм* и *2Ам*. Любые две подгруппы из четырех образовавшихся имели между собой сходство и различие. Подгруппы *1Ам* и *1Бм* принадлежали к одному локалю, но разным родам. Так же обстояло дело и с подгруппами *2Ам* и *2Бм*. Подгруппы *1Ам* и *2Ам* принадлежали к одному материнскому роду, но разным локалям. То же самое можно сказать и о подгруппах *1Бм* и *2Бм*.

Все это привело и к изменению состава женских групп обоих локалей. Если мужчины подгруппы *1Ам* могли вступать в брак с женщинами группы *Бж*, то мужчины подгруппы *1Бм* этого делать не могли в силу принадлежности к одному с ними роду — *Б*. Они могли вступать в

¹⁸ См.: Ю. П. Аверкиева, К истории общественного строя у индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (ТИЭ), нов. серия, т. 58, М., 1960, стр. 37, 39, 77, 111; ее же, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, ТИЭ, нов. серия, т. 70, М., 1961, стр. 111—114.

¹⁹ См.: В. S p e n c e r and F. J. G i l l e n, Указ. раб., стр. 215—381.

брак лишь с женщинами группы *Аж*. Точно так же и мужчины подгруппы *2Ам* могли вступать в брак лишь с женщинами группы *Бж*. Оставление мужчин внутри локалей должно было иметь своим неизбежным следствием переход женщин из одного локаля в другой. Переход в другой локаль происходил со вступлением в брак. Естественно, что это делать могли лишь женщины, еще не состоящие в браке, т. е. не матери мужчин подгрупп *1Бм* и *2Ам*, а лишь их сестры. В результате группа *Бж* разделилась на две подгруппы: подгруппу старших женщин, матерей, которые, родившись в локале 1, остались в нем на всю жизнь, и подгруппу младших женщин, дочерей, которые, родившись в локале 1, ушли с выходом замуж в локаль 2. Точно такое же деление произошло и в группе *Аж* локаля 2.

Так было в первом поколении, но во втором картина менялась. Мальчики, родившиеся от браков мужчин подгруппы *1Бм* с женщинами группы *Аж*, перешедшими в локаль 1, принадлежали, с одной стороны, к роду *А*, как их матери, с другой — к локалю 1, как их отцы. Иначе говоря, они принадлежали к той же самой подгруппе, что и отцы их отцов, — *1Ам*. Девочки, родившиеся от этих браков, тоже принадлежали к роду матерей — *А*. Но в отличие от матерей, родившихся в локале 2, они от рождения принадлежали к локалю отцов — 1. В результате различие внутри группы *Аж* приобрело совершенно четкую и определенную форму. Оно теперь выступило в качестве отличия женщин группы *Аж*, родившихся в локале 2, от женщин той же группы, но родившихся в локале 1. Группа *Аж*, таким образом, разделилась на подгруппы *2Аж* и *1Аж*. Точно так же группа *Бж* разделилась на подгруппы *1Бж* и *2Бж*.

Так, наряду с четырьмя мужскими подгруппами — *1Ам*, *1Бм*, *2Ам* и *2Бм*, оформились и четыре женские — *1Аж*, *1Бж*, *2Аж* и *2Бж*. Нетрудно заметить, что каждая женская подгруппа имела своего мужского двойника, с которым вместе составляла одну большую группу. Такую группу составляли, например, подгруппы *1Ам* и *1Аж*. Объединяло их то, что все их члены принадлежали к одному и тому же роду *А* и одному и тому же локалю 1. Эту группу можно обозначить как *1А*. Точно так же подгруппы *2Ам* и *2Аж* образовывали группу *2А*, подгруппы *1Бм* и *1Бж* — группу *1Б*, подгруппы *2Бм* и *2Бж* — группу *2Б*. Совершенно отчетливо видно, что принадлежность к каждой из четырех образовавшихся групп *1А*, *2А*, *1Б* и *2Б* является синтезом принадлежности к определенному материнскому роду (*А* или *Б*) и определенному отцовскому локалю (1 или 2).

Между группами существовали строго определенные отношения. Браки были возможны лишь между членами групп, относившихся и к разным родам и разным локалям. Члены группы *1А* могли вступать в брак лишь с членами группы *2Б*, члены группы *2А* — лишь с членами группы *1Б*. Дети, родившиеся от этих браков, обязательно принадлежали к группе, относившейся к роду матери и локалю отца, т. е. отличной и от группы отца и от группы матери, но зато совпадавшей с группой деда по отцу и бабушки по матери. В любом локале каждое поколение принадлежало к группе иной, чем отцы, но той же самой, что отцы отцов. В локале 1 чередовались группы *1А* и *1Б*, в локале 2 — группы *2Б* и *2А*. Каждый из локалей мог разделиться на два, которые в свою очередь могли дать начало новым. Но все локали, возникшие в результате деления двух первоначальных, неизбежно должны были иметь в своем составе либо группы *1А* и *1Б*, либо группы *2А* и *2Б*, т. е. относиться к одной из двух половин, на которые подразделялось множество этих локалей.

Таким должен был быть, если рассуждать строго логически, результат развития по третьему пути. Этнографические данные, свидетельствующие в пользу существования первого и второго вариантов, имеются в изобилии. Но существовала ли где-либо в действительности структу-

ра, подобная нами выведенной теоретически? Да, существовала. Все то, что нами было выше описано, есть не что иное, как система четырех брачных классов (секций) аборигенов Австралии. Совпадение, действительно, полное, до мелких деталей. Выше было показано, что любая из четырех выделенных групп (брачных классов) представляет собой соединение мужской и женской подгрупп, пути образования которых не были абсолютно идентичными. Как свидетельствуют факты, у большинства австралийских племен, имевших брачноклассовую организацию, мужская и женская части каждого класса рассматривались как особые группы. Они обычно имели свои названия, в то время как общего обозначения данного брачного класса в целом не существовало. Так, например, у камиларои, гевегал, муравари, мори и многих других племен мужские части четырех брачных классов носили названия Мури, Куби, Кумбо и Ипай, а соответствующие им женские — Мата, Кубита, Бута и Ипата²⁰. Исходя из этого, Л. Морган говорил даже о существовании у камилароев системы четырех мужских и четырех женских брачных классов²¹.

Система четырех брачных классов вместе с системой восьми брачных классов, которая возникла из первой в результате дальнейшего разделения каждой из четырех первоначальных секций на две субсекции, существовала у племен, занимавших три четверти, если не четыре пятых территории Австралии²². У одной части этих племен этнографами зафиксирована материнская филиация, у другой — отцовская²³. На первый взгляд это свидетельствует об отсутствии связи между возникновением брачноклассовой организации и появлением патрилинейности. Однако более углубленный анализ свидетельствует о другом. Брачные классы возникли тогда, когда стала учитываться принадлежность человека не только к роду матери, но и к локалю отца. Иными словами, возникновение брачных классов само по себе свидетельствует о появлении наряду со счетом принадлежности к одной общественной группе по матери. счета принадлежности к другой общественной группе по отцу.

С появлением системы четырех брачных классов материнский род не исчез, но претерпел существенные изменения. Прежде всего он стал теперь состоять из двух брачных классов: род *A* из классов 1*A* и 2*A*, род *B* из классов 1*B* и 2*B*. Но это лишь внешнее выражение перемены, всю глубину которой можно понять, сопоставив данный вариант развития с первым и вторым.

Первый вариант характеризовался тем, что вплоть до перехода от дислокального брака к матрилокальному материнский род (в более позднее время — его часть) оставался хозяйственным, производственным организмом. После перехода к матрилокальности хозяйственный коллектив стал включать в свой состав представителей разных родов, но его костяк образовывали члены лишь одного. Этим костяком, ядром была женская группа (или части рода), которая как целое противостояла взрослым мужчинам, поодиночке приходившим в коллектив извне и нередко принадлежавшим не к одному роду, а к разным.

Второй вариант характеризовался образованием локалей, состоявших из мужской и женской групп, принадлежавших к разным родам. Но хотя мужская и женская группы каждого рода входили в состав разных локалей, экономические связи между их членами продолжали сохраняться. Каждая мужская группа была экономически связана как

²⁰ N. W. Thomas, *Kinship organisations and group marriage in Australia*, Melbourne etc., 1966, p. 42—48.

²¹ Л. Г. Морган, *Древнее общество*, Л., 1934, стр. 32—33.

²² Карты распространения брачноклассовой организации в Австралии. См.: N. W. Thomas, *Указ. раб.*, стр. 41; «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 153.

²³ Карты распространения материнской и отцовской филиации Австралии. См.: N. W. Thomas, *Указ. раб.*, стр. 40; «Народы Австралии и Океании», стр. 167.

с женской группой своего локаля, так и с женской группой своего рода. Так же обстояло дело и с женскими группами. Таким образом, две группы, на которые делился материнский род, — мужская и женская — представляли собой каждая определенные социальные образования, имевшие в числе прочих и экономические функции. Определенной экономической общностью продолжал оставаться и материнский род в целом. Когда в дальнейшем, на более поздней стадии развития члены мужской группы начали вступать в браки и с женщинами, родившимися вне данного локаля и принадлежавшими не к одному, а к разным родам, женская группа как единое целое распалась, но зато мужская группа, продолжавшая состоять из членов одного материнского рода, окончательно стала ядром, костяком локального хозяйственного коллектива.

Именно поэтому, при развитии и по первому, и по второму пути материнский род (позднее — его подразделение) даже в том случае, когда он переставал полностью совпадать с производственным организмом, продолжал играть существенную экономическую роль, и переход к отцовскому счету родства мог произойти не раньше, чем возникла частная собственность. Иное положение сложилось при развитии по третьему пути.

Материнский род распался на два брачных класса, принадлежавших к двум разным хозяйственным коллективам, разным локалям. И каждый из этих классов не только не совпадал с хозяйственным коллективом, но даже ни в коей мере не составлял его ядра, костяка. Тем более не мог быть костяком, ядром хозяйственного коллектива материнский род в целом. С распадом на брачные классы он утратил реальные экономические функции, которые перешли к другой группе.

Брак и в нашей теоретической схеме, и в действительности у австралийцев был патрилокальным. В силу этого постоянное ядро, костяк локаля составляли мужчины, которые как определенное целое противостояли и сестрам, покидавшим с выходом замуж родной локаль, и приходившим извне, причем поодиночке, женам. Отсутствие в локале сколько-нибудь единой женской группы стало особенно заметным, когда мужчины стали вступать в брак с женщинами не из одного определенного локаля, а из разных. Все это обеспечивало определенное главенство мужчин, которое заметно у всех австралийских племен.

Все коренные члены локаля (имеются в виду все родившиеся в нем независимо от того, продолжают они в нем оставаться или нет) делились на два брачных класса, относившихся к двум разным материнским родам. Эти два брачных класса были связаны принадлежностью к одному локалю. Являясь ядром, костяком локаля, мужская группа была одновременно и ядром своеобразного образования, которое составляли вместе взятые два брачных класса локаля. Если рассматривать это объединение брачных классов, которое можно назвать внутрилокальным, то бросается в глаза, что оно обладало всеми признаками отцовского рода: экзогамией (браки между членами двух составлявших его классов были невозможны) и патрилинейностью (счет принадлежности к нему был счетом принадлежности к локалю отца).

Таким образом, система четырех брачных классов заключала в себе, кроме двух материнских родов, также и два отцовских рода. Если брачные классы 1А и 2А вместе образовывали один материнский род, классы 1Б и 2Б — другой, то брачные классы 1А и 1Б, вместе взятые, образовывали первый отцовский род, а классы 2А и 2Б — второй.

На схеме материнские и отцовские роды выглядят как совершенно равноценные комбинации брачных классов, но в жизни они такими не были. Материнские роды не имели никаких экономических функций. Отцовские — имели. Мужская группа каждого из них была ядром, костяком хозяйственного коллектива. Но зато материнские роды имели историческое преимущество перед отцовскими. Возникнув задолго до

появления брачноклассовой организации, они длительное время существовали в качестве хозяйственных коллективов. Вследствие этого члены каждого из них давно уже совершенно четко осознали свое единство и вместе с тем свое отличие от членов всех остальных родов. Первоначальной формой осознания родового единства и тем самым принадлежности к определенному роду был тотемизм. Каждый материнский род имел свой тотем, который передавался исключительно лишь по матери. Счет принадлежности к материнскому роду имел, таким образом, совершенно отчетливую и наглядную форму. Возникшие лишь с появлением брачноклассовой организации отцовские роды долгое время не могли получить соответствующего идеологического оформления. Счет принадлежности к ним долгое время не имел сколько-нибудь отчетливой формы.

Если взять общую тенденцию развития, то она состояла в том, что экономически и вообще практически значимые отцовские роды все в большей степени идеологически оформлялись как таковые, а потерявшие экономическое значение материнские роды постепенно лишались и всех других функций и тем самым шаг за шагом сходили на нет. В Австралии мы наблюдаем все стадии этого процесса.

Самая ранняя представлена племенем камиларои, у которого существовало четыре брачных класса, соединенных попарно, причем таким образом, что в результате образовывались две матрилинейные группировки — фратрии или половины. Фратрия Купатин состояла из классов Ипай и Кумбо, фратрия Дилби — из классов Мури и Куби²⁴. У камиларои существовало также шесть матрилинейных тотемистических родов, из которых три включали в свой состав брачные классы Ипай и Кумбо, а три — классы Мури и Куби, что свидетельствует, как отмечал еще Л. Морган, об их происхождении от двух первоначальных родов. Эти первоначальные роды и сохранились в виде двух фратрий — Купатин и Дилби. Вполне естественно, что у камиларои деление классов и деление родов полностью совпадало²⁵.

Следующий шаг в развитии может быть продемонстрирован на примере племен вадуман и мудбурра, у которых существовали материнские тотемистические роды, но брачные классы были уже сгруппированы в соответствии с тем, как они сочетались в локальных группах, т. е. патрилинейно. В соответствии с этим племя делилось на две уже не матрилинейные, а патрилинейные фратрии, которые еще не имели названий. В результате члены одного и того же материнского рода могли принадлежать к разным половинам²⁶.

У арунта не только существовали патрилинейные фратрии, но и наблюдалось также начало оформления отцовского рода как тотемистической группы. Согласно верованиям австралийцев, тотем материнского рода был зримым воплощением той самой «плоти» и «крови», которая могла, как они считали, передаваться только через мать²⁷. Тотемистическое осознание единства отцовского рода и принадлежности к нему неизбежно должно было приобрести иные формы. У арунта, например, тотем человека зависел от того, в какой местности его мать почувствовала, что в нее вошел дух ребенка²⁸. В силу патрилокальности брака это чаще всего происходило в местности, связанной с тотемистической группой мужа женщины, хотя ни в коей мере не были исключены и дру-

²⁴ Для обозначения брачных классов камиларои мы употребляем названия мужских групп этих классов.

²⁵ L. Fison and A. W. Howitt, *Kamilaroi and Kurnai*, Melbourne etc., 1880.

²⁶ B. Spencer, *Native tribes of the Northern territory of Australia*, London, 1914, pp. 54—55, 178, 194—195.

²⁷ A. P. Elkin, *The Australian aborigines. How to understand them*, Sydney, 1969, pp. 121, 173.

²⁸ B. Spencer and F. Y. Gillen, *The northern tribes of Central Australia*, London, 1904, pp. 150—152.

гие возможности. Во всяком случае у арунта нередкими были случаи, когда ребенок принадлежал к тотемистической группе, отличной и от группы отца, и от группы матери. Поэтому, хотя у них подавляющее большинство членов определенной тотемистической группы и принадлежало к одной из патрилинейных половин, некоторые из них могли входить в состав противоположной²⁹.

Следующая стадия развития представлена варрамунга, вальпари, вулмала и целым рядом других племен, у которых существовало убеждение, что дух ребенка может войти в женщину только в том случае, если принадлежит к той же тотемистической группе и половине, что и ее муж. В результате наследование тотема было у них строго патрилинейным. Исключения были крайне редки. Все тотемистические группы были у них строго распределены между двумя патрилинейными половинами, которые в отличие от отцовских фратрий вадуман, мудбурра, арунта имели уже названия³⁰.

Но ни у арунта, ни у варрамунга и вообще почти нигде в Австралии процесс замещения материнской филиации отцовской не получил своего завершения³¹. Даже у тех племен, у которых этнографами были зафиксированы исключительно лишь патрилинейные роды и фратрии, существовала система четырех или восьми брачных классов, а тем самым неизбежно и материнская филиация. Тот факт, что брачные классы представляют собой такие группы, члены которых связаны одновременно и матрилинейно, и патрилинейно, был в достаточной степени убедительно раскрыт в ряде исследований³². В соответствии с этим ряд этнографов прямо характеризует австралийцев в целом как общество с двойной (одновременно матрилинейной и патрилинейной) филиацией (double descent)³³.

У разных австралийских племен соотношение материнской и отцовской филиации вообще, материнского и отцовского родов в частности, неодинаково. Но на какой бы стадии эволюции ни находились у австралийцев материнские роды, с одной стороны, отцовские роды — с другой, между ними всегда существовали значительные различия и в структуре, и в функциях. Это обстоятельство было глубоко подмечено крупнейшим австраловедом А. Элькиным, предложившим отличать «общественные тотемистические роды» австралийцев от их «локальных, культовых родов»³⁴. «Я считаю... — писал он, — что подлинные общественные тотемистические роды в Австралии всегда матрилинейны по счету происхождения...»³⁵. Что же касается территориальных культовых родов, то они всегда патрилинейны.

Подметил А. Элькин и существенное различие между тотемистическими представлениями, связанными с материнским родом, и тотемистическими представлениями, связанными с отцовским родом. Первые он охарактеризовал в целом как «общественный тотемизм», а вторые — как «культовый тотемизм». «Общественный тотемизм, — писал он, — почти всегда, а может быть, и всегда связан со счетом родства по материнской линии, а культовый тотемизм — с определенной местностью и отцовским счетом родства»³⁶.

²⁹ B. Spencer and F. J. Gillen, Указ. раб., стр. 151.

³⁰ Там же, стр. 148, 161—169.

³¹ Завершение его мы наблюдаем лишь у развивавшихся по тому же самому пути папуасов Новой Гвинеи.

³² См.: F. Galton, Note on the Australian marriage systems, «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. XVIII, No. 1, 1889; W. E. Lawrence, Alternating generations in Australia, In: «Studies in the Science of Society», Ed. by G. P. Murdock, New Haven, 1937.

³³ См. G. P. Murdock, Social structure, pp. 51—54.

³⁴ А. Р. Элькин, Указ. раб., pp. 117—121.

³⁵ Там же, p. 118.

³⁶ Там же, p. 172.

Все приведенное выше, на наш взгляд, в достаточной степени убедительно свидетельствует о том, что отцовский род у австралийцев не был первоначальным. Выдвинутое Л. Г. Морганом и принятое и развитое Ф. Энгельсом положение о том, что материнский род в историческом развитии человечества всегда предшествовал отцовскому, находится в полном соответствии со всем имеющимся в распоряжении современной этнографии фактическим материалом.

THE PROBLEM OF TRANSITION FROM THE MATRILINEAL TO THE PATRILINEAL GENS

(AN ATTEMPT AT THEORETICAL ANALYSIS)

The problem of the transition from the matrilineal to the patrilineal gens is theoretically analysed in the article. The author stresses that the thesis promulgated by Morgan and further developed by Engels — that the matrilineal gens preceded the patrilineal gens in the evolution of mankind, is completely corroborated by factual material available to modern ethnography. According to the author the transition from the matrilineal to the patrilineal gens among Australian aborigines took place within the system of marriage classes.
